

ПРОПУЩЕННАЯ ЦИТАТА В СТАТЬЕ ПУШКИНА «О МИЛЬТОНЕ И ШАТОБРИАНОВОМ ПЕРЕВОДЕ “ПОТЕРЯННОГО РАЯ”»

Завершая первую часть статьи «О Мильтоне и шатобриановом переводе “Потерянного рая”», где подвергнуты резкой критике писатели французской «новейшей романтической школы» — Альфред де Виньи и Виктор Гюго — за то, что они «жестoko оскорбили великую тень» Джона Мильтона (7, 341), Пушкин противопоставляет эффектным сценам из их произведений «картину, просто набросанную другим живописцем» — Вальтером Скоттом. «Прочтите в “Вудстоке” встречу одного из действующих лиц с Мильтоном в кабинете Кромвеля, — пишет он и, оставив место для соответствующей цитаты, продолжает: — Французский романист конечно не довольствовался бы таким незначашим и естественным изображением. У него Мильтон, занятый государственными делами, непременно терялся бы в пиитических мечтаниях и на полях какого-нибудь отчета намарал бы несколько стихов из “Потерянного рая”; Кромвель бы это подметил, разбил бы своего секретаря, назвал бы его стихоплетом и вралем etc., а из того бы вышел эффект, о котором бедный В. Скотт и не подумал!» (7, 340; курсив Пушкина).

Этот пассаж всегда ставил в тупик комментаторов, которые давно установили, что подобного эпизода нет ни в романе «Вудсток, или Кавалер» (1826), действие которого происходит во времена Кромвеля, ни в каком-либо другом произведении Вальтера Скотта. Единственное гипотетическое решение загадки пропущенной цитаты было дано М.И. Гиллельсоном, предположившим, что Пушкин имел в виду сцену из XXV главы «Вудстока...», где трое персонажей ведут спор о поэзии Мильтона¹. «У каждого из трех участников спора свой взгляд на Мильтона и его поэзию, — замечает он. — Ярый поклонник Шекспира, сэр Генри Ли приходит в восторг и от моральной символики стихов, прочитанных Эверардом, и от чисто шекспировской метафоры, которая их заключает; но именно эта метафора вызывает саркастические замечания Карла Стюарта; его иронические отзывы усугубляют взаимную напряжен-

ность. Именно эта сцена и могла быть включена Пушкиным в текст статьи»².

Гипотезу М.И. Гиллельсона, однако, нельзя признать убедительной, ибо из сопроводительных замечаний Пушкина (как вводящих пропущенную цитату, так и комментирующих ее) с полной очевидностью следует, что речь должна идти об эпизоде иного рода — о типичной вальтер-скоттовской сцене, когда герой романа случайно встречается с видным историческим лицом в естественной, обычной для него обстановке и видит его, по выражению Пушкина, «домашним образом», часто даже не подозревая, с какой значительной фигурой свела его судьба. В данном случае ясно, что Пушкину врезался в память не диалог о поэзии, а какой-то зрительно представимый эпизод, где мимоходом, вскользь («незначашим и естественным изображением» — 7, 340) показан сам Мильтон, «друг и сподвижник Кромвеля» (7, 338), «занятый государственными делами» (7, 340). И такая вальтер-скоттовская сцена существует — но только не у самого «шотландского чародея», а в романе «Брэмблтай-хаус, или Кавалеры и Круглоголовые» (1826) одного из самых известных его подражателей, английского писателя и поэта Горация Смита (1779—1849)³.

Действие «Брэмблтай-хауса...» начинается в последние годы жизни Кромвеля, уже после того, как он установил в Англии личную диктатуру, приняв титул лорда-протектора. По его приказу главного героя романа, юного Джослина Комптона — сына влиятельного аристократа, замешанного в роялистский заговор, — арестовывают и привозят из родового поместья в Лондон. Юношу сопровождает полковник Лилберн, который ведет его во дворец Хэмптон-Корт, резиденцию лорда-протектора. Здесь они сначала попадают в большой зал приемов, и Смит подробно описывает собравшихся вельмож, военачальников, министров и вышедшего к ним Кромвеля, а затем отправляются во внутренние покои:

Лилберн и Джослин последовали за своим провожатым, который ввел их в просторную и красивую библиотеку. Все ее стены были заняты полками с книгами, расставленными в идеальном порядке. В дальнем углу этой комнаты, у стола, на котором лежало

² Гиллельсон М.И. Статья Пушкина «О Мильтоне и шатобриановом переводе “Потерянного рая”» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 236.

³ Роман «Брэмблтай-хаус...» Смит опубликовал под псевдонимом «Один из авторов “Отвергнутых речей”», который должен был напомнить о его единственном, по-настоящему блестящем литературном успехе — сборнике пародий «Rejected Addresses» (1812), написанных в содружестве со старшим братом Джеймсом.

¹ См.: Скотт В. Собр. соч.: В 20 т. / Под общей ред. Б.Г. Реизова. М.; Л., 1965. Т. 17. С. 361—365.

несколько фолиантов, расположились двое мужчин. Один из них что-то писал под диктовку другого. Этот последний — невысокий, чуть ниже среднего роста человек с расчесанными на прямой пробор светло-каштановыми волосами, которые с двух сторон изящно обрамляли его столь же приятное, сколь и величественное лицо, — не обратил на проходящих мимо никакого внимания и продолжал диктовать. Другой — крепкого сложения, круглолицый и краснощекий брюнет с серыми глазами — улыбнулся им в знак приветствия, но не заговорил с ними. Это были бессмертный Мильтон, секретарь лорда-протектора по части латинского языка, некоторое время тому назад ослепший, и знаменитый Эндрю Марвел, только что назначенный ему в помощники, — мужи, по достоинству занимавшие престол в этой прекрасной библиотеке, окруженные величайшими гениями всего мира и всех времен, с которыми их связывало близкое родство; мужи, которые обрели нетленную и немеркнущую славу, тогда как всю толпу вельмож, заполнившую соседний зал, ожидало, за одним-двумя исключениями, вечное забвение⁴.

Конечно, не все детали этой выразительной сцены полностью совпадают с пушкинским описанием (встреча происходит не в кабинете Кромвеля, а на пути к нему⁵; кроме Мильтона упомянут и

⁴ Перевод сделан по французскому изданию романа, с которым мог быть знаком Пушкин: *Brambletye-House, ou Cavaliers et tetes-rondes*, par Horace Smith. *Roman nouveau traduit de l'anglais...* par M. A. J. B. Defauconpret, traducteur des romans de Sir Walter Scott et des romans americains de M. Cooper. Paris, 1826. T. 1. P. 212—213. Поскольку французский перевод изобилует мелкими неточностями, приводим эту сцену в оригинале: «Following their conductor, they were ushered into a spacious and noble library, whose shelves were closely filled with books. At the upper end, before a desk, on which were several folio volumes, two gentlemen were seated, one of whom was writing from the dictation of his companion. The latter, who was rather below the middle size, wearing his tight brown hair parted at the foretop, and hanging down on either side of his singularly comely and majestic countenance, took not the smallest notice of them as they passed, but continued dictating. His amanuensis, a strong-set figure, with a round face, cherry cheeks, hazel eyes and brown hair, bowed to them with a cheerful smile as they walked through into an inner apartment, but did not speak. These were the immortal Milton, Latin Secretary to the Protector, and who had now been for some time blind; and the scarcely less illustrious Andrew Marvel, recently appointed his Assistant; men worthy to sit enthroned in that costly library, and to be surrounded by the great and kindred intellects of the world: men who have become the certain heirs of never-dying fame, while, with one or two exceptions, the crowd of nobles and grandees that thronged the adjoining saloon have passed rapidly into irredeemable oblivion» (*Brambletye House, or Cavaliers and Round-heads: a Novel. By One of the Authors of the «Rejected Addresses»*. London. 1826. Vol. 1. P. 213—214).

⁵ Выйдя из библиотеки, Джослин и Лилберн сразу же оказываются в кабинете Кромвеля, где происходит важная для сюжета романа беседа героя с

другой английский поэт XVII века Эндрю Марвел), но общая ее тональность очень хорошо вписывается в контекст статьи, поскольку она действительно являет собой полную противоположность тому, как выведен «суровый фанатик» у французских писателей. Если, согласно Пушкину, Мильтон в драме Гюго напыщенно разглагольствует о поэзии, а в романе Виньи забавляет общество, собравшееся «в доме непотребной женщины», чтением стихов, «писанных на языке, не известном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь» (7, 340), то у Смита он не произносит ни единого слова; если для «любимцев парижской публики» Мильтон — «жалкий безумец», «ничтожный пустомеля», «старый шут, которого все презирают и на которого никто не обращает никакого внимания» (7, 337—338) или «заезжий фигляр» (7, 340), то для Смита он — самоотверженный труженик, «строгий творец», погруженный в свои занятия вдаль от светской суеты, истинный сподвижник Кромвеля, который в конце этой же главы романа назовет его «прекраснейшим украшением» своего двора, а отнюдь не «стихоплетом и вралем».

Изображение Мильтона в «Брэмблтай-хаусе» полностью подпадает под пушкинское определение — оно в самом деле «незначашее и естественное» (7, 340)⁶ и потому служит удачным контрагументом в эстетической полемике Пушкина с французскими романтиками, склонными, напротив, к аффектации, многословию и ярким драматическим коллизиям. Однако в статье «О Мильтоне...», написанной, очевидно, в последние месяцы жизни Пушкина, есть и второй план. По точному наблюдению М.И. Гиллельсона, всю ее первую часть пронизывает «антитеза “двор и поэт”, антитеза, имевшая явный автобиографический подтекст»⁷. Глумиться над великим поэтом, утверждает Пушкин, значит не видеть и не понимать его истинное «лицо», его историческую личность, и, защищая Мильтона от поношений, он защищает самого себя.

лордом-протектором. Очевидно, в памяти Пушкина совместились два смежных эпизода книги, причем этой контаминации могло способствовать само описание кабинета, в котором, как особо отмечает Смит, лежат деловые бумаги на латинском языке, писанные рукою Мильтона. Ср. упоминание о деловых бумагах, которыми занят Мильтон, в первоначальном варианте фразы «У него Мильтон, занятый государственными делами...» (*Акад.* XII, 384).

⁶ Любопытно, что подобную характеристику этой сцены дал и рецензент английского журнала «Мансли Ревью», который, полностью процитировав ее, сравнил изображение Мильтона и Марвела у Смита с фигурками, украшающими каминную полку. Правда, для него «легкость прикосновения» — скорее недостаток, чем достоинство. См.: *The Monthly Review*. 1826. March. Vol. 1. P. 309.

⁷ Гиллельсон М.И. Статья Пушкина... С. 237.

В этом смысле цитата из «Брэмблтай-хауса» тоже оказывается удивительно уместной, ибо завершающая ее фраза актуализирует скрытую тему статьи. Точке зрения персонажа, который, находясь «внутри эпохи», способен лишь мельком рассмотреть своих современников, Смит противопоставляет позицию повествователя, который, глядя из будущего, может верно оценить их под знаком вечности. Герой романа взирает на блестящих вельмож, собравшихся во дворце, с куда большим любопытством, чем на скромных незнакомцев, вершащих свой труд в тиши библиотеки, но автору (и суду истории, от чьего имени он выступает) ведомо, кого из них ждет «нетленная слава», а кого — «вечное забвение». Это авторское резюме вполне могло стать тем импульсом, который заставил Пушкина вспомнить сцену из «Брэмблтай-хауса» и приписать ее столь авторитетному для него Вальтеру Скотту, — ведь, цитируя ее, он получал возможность ввести в статью имплицитную самооценку, подобную той, которую он прямо дал в «Памятнике», и тем самым опровергнуть ложные представления о поэте как «старом шуте».

Хотя в нашем распоряжении нет прямых данных, которые подтвердили бы факт знакомства Пушкина с «Брэмблтай-хаусом»⁸, оно представляется весьма вероятным. В свое время роман Смита произвел некоторую сенсацию в европейском литературном мире и ненадолго привлек к себе всеобщее внимание. Он вышел в начале 1826 года и был довольно благосклонно встречен английской критикой, расценившей его как удачное подражание Вальтеру Скотту. «Он заслуживал бы самых высоких похвал, если бы не сходство его героев с хорошо известными нам персонажами шотландских романов», — писал, например, рецензент лондонского журнала «Мансли Ревью»⁹. Однако несколько месяцев спустя, когда появился новый роман самого Скотта «Вудсток», выяснилось, что подражателю удалось на этот раз опередить своего «наставника», обратившегося к тому же периоду гражданской войны в Англии XVII века, который изображен в первых томах «Брэмблтай-хауса». Более того, в известной степени сходными оказались и сюжеты обоих романов, и набор действующих лиц, так что читателям и критикам представилась редкая возможность стать судьями творческого соревнования между двумя сочинениями, созданными почти в одно и то же время, на одном и том же историческом материале и по одному и тому же жанровому канону.

⁸ В библиотеке Пушкина сохранился лишь другой, более поздний роман Смита во французском переводе: Zillah, histoire juive, tirée des annales de Jérusalem, par Horace Smith, traduite de l'anglais par A. J. B. Defauconpret... Paris, 1829 (См. *Библиотека Пушкина*. № 1395. С. 339).

⁹ The Monthly Review. 1826. March. Vol. 1. P. 314.

Подобная ситуация отнюдь не была предусмотрена ни Смитом, ни Вальтером Скоттом, который, узнав о выходе «Брэмблтай-хауса» в процессе работы над «Вудстоком», огорчился совпадению и отказался читать книгу неожиданного конкурента¹⁰. Об этом он заявил в предисловии к «Вудстоку», заключительная часть которого полностью посвящена роману Смита: «Сокол, как говорим мы в Шотландии, не должен выклеивать глаза другому соколу или посягать на его добычу; поэтому, если бы я знал, что по описанной эпохе и по своему содержанию этот роман может отчасти совпасть с тем, который недавно опубликовал один мой выдающийся современник, я бы, без сомнения, на время оставил в покое рукопись доктора Рочклифа. Но, прежде чем мне стало известно это обстоятельство, моя книжечка была уже наполовину отпечатана, и мне оставалось только избежать всякого сознательного подражания, отложив на время чтение книги моего современника. Когда сочинения одного и того же рода написаны в общей манере исторических повествований, то некоторые случайные совпадения, вероятно, неизбежны. Если такие совпадения будут обнаружены, виновным, наверно, окажусь я. Но мои намерения были совершенно невинны, потому что одним из приятных последствий окончания “Вудстока” для меня будет то, что завершение моей собственной задачи позволит мне доставить себе удовольствие и прочесть “Брэмблтай-хаус”, от чего я до сих пор сознательно воздерживался»¹¹.

¹⁰ Вальтер Скотт прочитал «Брэмблтай-хаус» вместе с романом «Сэр Джон Чивертон» другого своего подражателя У.Г. Эйнсворта лишь в октябре 1826 года, о чем свидетельствуют записи в его дневнике. «Это — умные книги», — констатирует он, добавляя, что находится в положении капитана Бобадила, персонажа одной из комедий Бена Джонсона, который сокрушался, что «научил сотни джентльменов драться только чуточку хуже, если не так же хорошо, как он сам» (запись от 17 октября; The Journal of Sir Walter Scott. Edinburgh, 1890. Vol. 1. P. 273). На следующий день Скотт продолжает заметки о подражателе: «... они так теснят меня со всех сторон, что я, как загнанная лиса, ищу способа обойти своих преследователей, стараюсь придумать какую-нибудь уловку, чтобы сбить их со следа и выгадать одну-две мили, а там пуститься во всю прыть с помощью ног да попутного ветра (Scott В. Собр. соч.: В 20 т. Т. 20. С. 704—705).

¹¹ Scott В. Собр. соч.: В 20 т. Т. 17. С. 12. Это предисловие несомненно было хорошо известно Пушкину, поскольку включалось как во французские издания «Вудстока...» (одно из них находилось в пушкинской библиотеке: *Библиотека Пушкина*. № 1368. С. 333), так и в русский перевод А. Герасимова (Вудсток, или Кавалер. История времен Кромвеля 1651 года. Валтер Скотта / Пер с фр. А. Герасимова. М., 1829). По предположению Д.П. Якубовича, приведенная здесь шотландская поговорка о соколе — вероятный источник фразы «Ворон ворону глаза не выклюнет» (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского, Т.Г. Зенгер. М.: Л., 1935. С. 350—351), написанной Пуш-

Беспрецедентное заявление Скотта, впервые вынужденного отводить от себя подозрения в подражании своему же подражателю, видимо, послужило дополнительной рекламой роману Смита и явно усилило интерес к нему. Во всяком случае, вскоре после выхода «Вудстока» одно за другим появляются два новых издания «Брэмблтай-хауса», а в рецензиях на вальтер-скоттовский роман часто упоминается и его соперник, хотя, по оценке большинства критиков, Смицу все-таки не удалось одержать победу в состязании с «Великим шотландцем»¹². На любопытную новинку немедленно обращают внимание и во Франции, где за ее перевод берется знаменитый Огюст-Жан-Батист Дефоконпре — постоянный переводчик Вальтера Скотта, только что завершивший работу над «Вудстоком». Уже в октябре 1826 года парижский издатель Госселен, составивший себе состояние на переводах «уэверлеевых романов», выпускает первое французское издание «Брэмблтай-хауса». Как установил специально изучавший рецепцию английской литературы во Франции Э. Патридж, оно получает исключительно благоприятные, даже восторженные отзывы критики¹³.

С некоторым опозданием (и, как обычно, через Францию) известия об «одном из счастливейших подражателей Великого шотландца»¹⁴ достигают и России. Сообщая о вальтер-скоттовской лихорадке, охватившей Францию, обозреватель «Московского телеграфа» писал в сентябре 1827 года: «В Англии начинает отличаться еще новый романист, Гейнрих (sic!) Смит. О последнем романе его: Grambtheye (sic!)-House, пишут с большою похвалой. Впрочем, читая разборы сего романа в Английских Журналах, видим, что Смит до сих пор еще не выходит из ряда подражателей В. Скотта, хотя и этот ряд составляют многие отличные романисты...»¹⁵ Ошибки в этом отзыве свидетельствуют о том, что его автор судит о Смите в основном понаслышке, но уже в феврале 1828 года «Московский телеграф» публикует большой отрывок из «Брэмблтай-хауса» под названием «Карл II и Двор его», сопроводжая его следующим редакционным примечанием: «Мы упоминали об этом романе, имевшем в Англии необыкновенный успех. Сочинитель его, Гора-

киным на обороте седьмой страницы его неотправленного письма П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года (*Якубович Д.П.* Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтера Скотта // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 381, примеч. 62).

¹² См., например: *The Monthly Review*. 1826. May. Vol. II. P. 96.

¹³ *Partridge E.* French Romantics' Knowledge of English Literature: 1820—1848. N.Y., 1968. P. 127. Особо отмечена рецензия в «*Le Globe*» от 11 ноября 1826 года.

¹⁴ Так назван Смит в редакционном примечании «*Вестника Европы*» (1829. Ч. 167. № 20. С. 275).

¹⁵ *Московский телеграф*. 1827. Ч. 17. № 18. Отд. II. С. 112. (Литературные известия).

ций Смит, показал необыкновенные дарования, хотя принялся за такой род сочинений, в котором всех своих предшественников и последователей победил В. Скотт. Как будто нарочно, Смит взял эпоху окончания Кромвелева правления и возвращения Стюартов на престол английский. В. Скотт изобразил уже Кромвеля в Вудстоке, а Карла II в Певерейль Пик, и англичане соглашаются, что Смит не уронил себя, являсывая то, что описал прежде его В. Скотт, и что многие места в Gramblye-House равняются с лучшими местами романов В. Скотта»¹⁶.

По-видимому, именно на 1828 год и приходится кратковременная вспышка популярности Смита в России. Едва ли случайно, что в перечне известных писателей, чьи новые книги на французском языке предлагает библиотека А. Семена в Москве, он занимает почетное второе место после Ф. Купера, опережая самого Скотта¹⁷. В конце 1828 года в Петербурге «Брэмблтай-хаус» читает по-французски А.Н. Вульф, постоянно общавшийся тогда с Пушкиным. «...роман Смита так же занимателен, как и Скотт: в нем прекрасные описания чумы и пожара, но не сохранена постепенность интереса и есть повторения», — записывает он в дневнике¹⁸. Можно предположить, что примерно в то же время «Брэмблтай-хаус» попал и в поле зрения Пушкина: сам мечтавший сочинить «исторический роман, на который и чужие полюбуются»¹⁹ и уже предпринявший первую попытку вступить в состязание с «шотландским чародеем», он, как кажется, не должен был оставить без внимания популярную, рекомендованную самим Вальтером Скоттом книгу, автор которой, согласно оценке Н. Полевого, «не уронил себя» в подобном же соревновании.

Если наше предположение верно, то тогда «Брэмблтай-хаус», помимо всего прочего, следует учитывать и при рассмотрении возможных второстепенных источников «Пира во время чумы», поскольку в четвертом томе романа довольно подробно описана обстановка в Лондоне во время эпидемии чумы и пожара 1666 года. Как и Вильсон, Смит черпает материал для этих описаний в знаменитой книге Д. Дефо «История великой лондонской чумы» («*The History of the great plague in London in the year 1665...*», 1722), цитируя ее иногда целыми страницами. Хотя сама сцена пира у Смита

¹⁶ *Московский телеграф*. 1828. Ч. 19. № 4. С. 479.

¹⁷ Там же. Ч. 20. № 6. С. 245.

¹⁸ *Вульф А.Н.* Дневники: (Любный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 139 (запись от 14 августа).

¹⁹ *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина // Сочинения Пушкина. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. / Под ред. П. В. Анненкова. Т. 1—7. СПб., 1855. Т. I. С. 199.

отсутствует, соответствующие эпизоды романа (некоторыми колоритными деталями перекликающиеся с драмой Вильсона) давали достаточно полное представление о событиях.

Интерес к Смиуту в России угас очень быстро. Некоторое время после публикации отрывка из «Брэмблтай-хауса» журналы продолжали знакомить читателей с отдельными сценами его новых исторических романов²⁰, но ни один из них так и не был полностью переведен на русский язык. Вскоре Смит затерялся в огромной многоязычной толпе подражателей, которую, по слову Пушкина, увлек за собою Вальтер Скотт, и в 1830-е годы о нем упоминают, как правило, с преобладанием негативных оценок — лишь в редких обзорных статьях об историческом романе²¹. Когда уже в 1838 году П.А. Вяземский в Брайтоне был представлен Горацию Смиуту, его имя не вызвало у него никаких ассоциаций — в записной книжке он равнодушно именуется своего нового знакомого «автором романов» и уделяет куда большее внимание его «пригоженькой дочери»²².

Неудивительно поэтому, что Пушкин, работая над статьей «О Мильтоне и шатобриановом переводе “Потерянного рая”», не смог точно вспомнить, где именно он много лет назад прочитал понадобившуюся ему теперь сцену, и автоматически поместил ее в самый известный роман из Кромвелевых времен — в вальтер-скоттовский «Вудсток...», забыв о его сопернике-«двойнике». Как свидетельствуют черновые варианты тех мест в статье, которые имеют отношение к «Вудстоку», Пушкин весьма смутно помнил и эту книгу. Он колеблется, прежде чем ввести в текст ее название (вариант: «в Вальтере Скотте»), и ошибочно полагает, что Вудсток — это фамилия или имя героя (вариант: «встречу Вудстока с Мильтоном»), которого на самом деле зовут Маркем Эверард (*Акад.*

²⁰ Кораблекрушение. Отрывок. <Из романа «Reuben Apsley»> // Московский телеграф. 1828. Ч. 22. № 14. С. 195—216; Отрывок из «Тор-Гилля», нового романа Горация Смиута: (Бал, данный кардиналом Волсеом Генриху VIII) // Вестник Европы. 1829. Ч. 165. № 10. С. 81—102; Портреты иудеев в последние времена Асмонейской династии: Отрывок из Зиллы, нового романа Горация Смиута // Вестник Европы. 1829. Ч. 167. № 20. С. 274—291.

²¹ См., например, переводную статью «Об историческом романе во Франции и в Англии», где говорится: «Гораций Смит, другой списыватель великого шотландского чародея, устремляет все свое внимание на материальную часть истории. Он мастер изображать природу мертвую, но не умеет рисовать природы живой и страстной. У него вы найдете большое изобилие бархату, кружева, шпор, шпажков ножен, которые доставляют ему по три страницы описаний, наручников и набедренников, которые он не оставляет, не рассмотрев всех частей, всех гвоздей их» (Сын Отечества. 1834. Ч. 168 (=Т. 46). № 51. С. 548).

²² Вяземский П.А. Записные книжки: (1813—1848) / Изд. подгот. В.С. Нечаева. М., 1963. С. 245 (запись от 25 сентября 1838 г.).

ХII, 384). И эти ошибки — столь мало характерные для Пушкина — едва ли случайны. Скорее, они связаны со спецификой восприятия романов Вальтера Скотта как своего рода «формульных» текстов. В читательской памяти часто хранятся не имена и биографии вальтер-скоттовских героев, а их функции и признаки, не отдельные сюжеты, а их инварианты, не образы конкретных произведений, а набор типовых сцен, и потому копия талантливого имитатора с некоторой временной дистанции нередко может показаться подлинником.

Разумеется, нам остается только гадать, как поступил бы Пушкин, обнаружив свою ошибку. Он мог бы оставить в тексте цитату из «Брэмблтай-хауса», правильно указав ее источник; мог бы ввести ее по-иному, не называя имени автора или даже пойдя на мистификацию (как в близком по времени случае с заметкой «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» (см. 7, 349—352), в которой все цитируемые «документы», включая письмо Вольтера, вымышлены²³); наконец, мог бы отказаться от нее и изменить концовку первой части статьи. Поскольку каждый из этих вариантов представляется вполне вероятным, мы, видимо, не имеем права включать в статью пассаж из романа Смиута как конъектуру. Однако свое место в комментарии он должен занять непременно.

²³ Об этой мистификации см.: Лернер Н.О. Замаскированный Пушкин // Лернер Н.О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 190—198; Благой Д.Д. Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. М., 1977. С. 430—450; Фомичев С.А. Последнее произведение Пушкина // Русская литература. 1987. № 3. С. 72—83; *Bethea David M. Realizing Metaphors: Alexander Pushkin and the Life of the Poet.* The University of Wisconsin Press, 1998. P. 85—88; и др.